

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

УДК 316.3

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА РОССИИ КАК ЕВРАЗИЙСКОЙ «ИМПЕРИИ НАОБОРОТ»

В.А. Должиков

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: dolshikov@yandex.ru*

С опорой на современные методы политико-социологического и этнологического анализа в статье рассматривается актуальная проблема научной идентификации специфики Российской империи в контексте истории мировых цивилизаций. Цель исследования состоит в том, чтобы определить универсальные черты и уникальные особенности политической системы отечественного государства имперской эпохи (XVIII — начало XX в.). Основное место в работе уделено критике широко распространенного в историографии мифа об императорской России как «тюрьме народов». Ссылаясь на методологические разработки большой группы зарубежных и отечественных исследователей, автор доказывает, что Российское государство проводило такую внутреннюю политику в отношении подвластных этнических общностей, которая необычна для «великой колониальной державы». Верховная власть и политическая элита Империи покровительствовали нерусским подданным, но вместе с тем закрепощали и подвергали дискриминации большие региональные группы русского суперэтноса. Наиболее бесправными в имперский

период отечественной истории являлись адепты староверческого православия, «русские в квадрате», по определению современного исследователя данной проблемы. Именно эта многочисленная группа населения страны подвергалась беспрецедентной политико-юридической дискриминации. Собственно поэтому, как считает автор, историческая Россия представляла собой «империю наоборот», а если даже и «тюрьму», то лишь для заключенных в ней русских народов. Тем не менее в исследовании формулируется вывод о наличии определенных возможностей при благоприятных условиях для своевременной позитивной ее трансформации в многонациональную федерацию, сохраняющую накопленный опыт мирного сожительства народов на континентальных пространствах Евразии.

Ключевые слова: *Россия, русские народы, «империя наоборот», ксенократия, элита, государственность, этноконфессиональная специфика, старообрядческое православие.*

CIVILIZATIONAL SPECIFICS OF RUSSIA AS THE EURASIAN “EMPIRE VISE VERSA”

V.A. Dolzhikov

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: dolshikov@yandex.ru*

Taking into account the achievements of modern methodology of political, sociological, and ethnological analysis, the article deals with the actual problem of scientific identification of the specifics of the Russian Empire in the context of the history of world civilizations. The purpose of the study is to determine both universal and unique features of the domestic state of the imperial era (XVI–II — early XX centuries). The main place in the work is given to criticism of the myth of Imperial Russia as being a “prison of nations, which is widely widespread in the historiography. Referring to the methodological development of a large group of foreign and domestic researchers, the author proves that the Russian state pursued such an internal policy with respect to the subject ethnic communities, which was very unusual for a “great colonial power.” The supreme power and the political elite of the Empire patronized non-Russian subjects, but at the same time they enslaved and discriminated against large regional groups of the Russian superethnos. The most disenfranchised in the imperial period of Russian history were the adherents of the Old Believer Orthodoxy, “the Russians squared,” as the modern researcher of the problem identified, who were subjected to unprecedented discrimination. Actually, therefore, according to the author, historical Russia was an “empire vice versa.” More than that, even if it was a “prison,” it was one only for the Russian people being imprisoned. Nevertheless, the study concludes that there are certain opportunities under favorable conditions for its timely positive transformation into a multinational Federation that

preserves the accumulated experience of peaceful cohabitation of peoples on the continental spaces of Eurasia.

Keywords: *Russia, Russian peoples, "empire vice versa," xenocracy, elite, statehood, confessional specificity, Old Believer Orthodoxy.*

Введение

В течение двух столетий (XVIII–XX вв.) российское государство не только называлось официально империей, но и было таковым по существу (Каппелер, 2000; Ливен, 2007; Хоскинг, 2001). Собственно «Россия» — это лишь другая номинация «Империи». Поэтому научная актуальность изучения проблем, связанных с генезисом и прерывистой эволюцией отечественной государственности, функционировавшей на протяжении столетий в традиционно имперской форме, представляется вполне очевидной.

Материалы и методы

В исторической и политологической литературе до настоящего времени фигурирует далеко не бесспорный миф об ее колониальном характере, получивший широкое распространение благодаря И.В. Сталину. «Царская Россия, — утверждал главный автор и редактор «Краткого курса истории ВКП(б), — была тюрьмой народов. Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно бесправны, беспрестанно подвергались всяческому унижениям и оскорблениям» (История ВКП(б), 1952: 6). Однако сегодня существуют и другие оценки. Гораздо более адекватными, на наш взгляд, являются определения, сформулированные зарубежными русистами («русскопонимателями») Домиником Ливеном, Джеффри Хоскингом и Терри Мартином. Историческая Россия, — уточняют они, — это «империя наоборот», а СССР — это и вовсе своеобразная «империя позитивного действия» (Lieven, 2000; Martin, 2002; Каспэ, 2001; Хоскинг, 2001). Вульгарной антиимперской сталинской мифологии, по верному замечанию Н.К. Рериха, должна быть противопоставлена «справедливая, обоснованная история о том, как много Россия помогала различным народам». Выдающийся национальный мыслитель уточнял, что «...помощь эта — не была своекорыстна, а наоборот, очень часто страдающей являлась сама же Россия» (Рерих, 2006: 206).

В причинно-следственном ряду исторических фактов, которые иллюстрируют процессы генезиса и эволюции, подъема и распада великих держав мира, ведущую роль играют их коренные, но все-таки частные, региональные типологические свойства. И только на всеобщем историческом фоне империи выделяются благодаря универсальным признакам. Системная совокупность подобных черт и позволяет отличать собственно империю от неимперии. Последняя из них чаще всего представляет собой однородное по этногенетическому происхождению национальное государство. В соответствии с принципом административной симметрии политический режим выстраивается в нем по типу так называемой этнократии (от древнегреческого *ethnos* — народ, нация и *cratios* — власть), или, в буквальном переводе на русский язык, народовластия.

В имперской же государственной системе классического типа, которая, как правило, является полиэтничной по составу населения, доминирует один господствующий этнос. По отношению к нему другие народы имеют подвластный, чаще всего неполноправный или даже совсем бесправный статус. Имперский политический режим является для них чужеродным и воспринимается как ксенократия (от древнегреческого *ksenos* — чужой). Изначально такой государственности присущи центробежные тенденции. В близкой или далекой перспективе ее ждет внутренний разрушительный конфликт, затем наступает глубокий системный кризис и, как следствие, самораспад. Так происходит потому, что скрепы, обеспечивающие структурное соединение разнородных частей государственности, носят по преимуществу внешний, насильственно-принудительный характер. Поэтому все империи относительно недолговечны.

Главный фактор, который способствует зарождению имперской тенденции внутри той или иной державы, — это стихийно складывающийся при определенных обстоятельствах полиэтничный характер состава населения, подвластного правящему режиму. Так, уже в начальный период отечественной истории Древняя (Новгородско-Киевская) Русь на протяжении IX–XII вв. представляла собой многосложное политическое объединение различных родоплеменных союзов. Помимо словенского (восточнославянского) государствообразующего этноса в ее составе можно выделить и другие, в том числе неславянские компоненты (балтский, финно-угорский, скифо-сарматский, тюркский и др.). Сплавивала этот уникальный «союз союзов» варяжская, т.е. северогерманская, скандинавская по своим истокам, правящая династия потомков легендарного князя Рюрика. Другое дело, что сложившаяся впоследствии в Древней Руси система самостоятельных династических удельных княжений многочисленных Рюриковичей способствовала опять же процессу их дезинтеграции.

Характерной особенностью всех государств имперского типа является экспансия, т.е. стремление властвующих в них субъектов — политических элит — расширять сферу своего господства за счет подчинения более слабых сопредельных и даже отдаленных народов. При этом основной вектор политики государственной власти всегда обращен вовне. Базовый потенциал всей страны мобилизуется и направляется на решение экспансионистских задач. В соответствии с этой своей сущностью любая империя рано или поздно устремляется к непрерывному и нарастающему (перманентному) расширению сферы политического господства, добиваясь реализации глобальной, но, увы, неосуществимой идеальной цели. Она пытается стать всемирной сверхдержавой — суперимперией.

В отличие от полиэтничных империй национальное (этнократическое) государство, напротив, обращено в идеале как бы вовнутрь. Важнейшей его функцией и самоцелью является создание благоприятных условий для качественного и количественного роста собственного системообразующего этнического поля. По определению такая государственность не может и не должна ставить перед собой гегемонистских задач на мировом уровне. Иначе национальное государство перестает быть самим собой, теряя свою идентичность. Например, вплоть до середины XVII в.

Россия (Великоруссия), хотя и была полиэтническим государством, однако в нем на долю собственно русских (великорусов) еще приходилось около 95% от всей численности жителей. Последующая трансформация великорусского национального государства в империю и тесно связанная с этим процессом непрерывная территориальная экспансия привели к тому, что в 1917 г. «титутельная нация» составляла уже всего 44,6%. Иначе говоря, к концу существования Российской империи собственно русские уже стали в ней этническим меньшинством. А всего к тому времени в ее составе насчитывалось примерно 200 больших и малых народов. Их доля составляла 55,4% от всей численности населения (Миронов, 1999, I: 55).

Полиэтничный (многонародный) характер состава населения является одной из самых важных предпосылок для превращения региональной державы — протоимперии — в полноценную империю. Но все-таки главный фактор будущей такой трансформации — это субъективная воля политических сил, возглавляющих и направляющих государственную власть в данном направлении. Важную роль здесь играют ее руководители, действия которых многократно усиливают вероятность подобной метаморфозы. Причем одним из них удастся повернуть свою страну на имперский путь, а другие терпят сокрушительное поражение. Достаточно в связи с этим указать на конфликт двух великих исторических деятелей XVIII столетия: Карла XII и Петра I. Оба стремились к аналогичной цели. Но лишь один из них достиг ее в трагическом противоборстве соседних держав. Хотя шведы, не став имперской нацией, мало что потеряли. Скорее всего, Швеция даже оказалась в выигрыше, сохранив национальное моноэтническое государство. Русскому же народу досталась только смутная историческая память об утраченной национальной государственности — Великоруссии. Кстати говоря, прежнее самоназвание (этноним) страны сохранилось в основных европейских языках (Russia, le Russe, Russland). Этнократию вытеснила надэтническая имперская государственность. «Россия, — справедливо замечает британский историк Дж. Хоскинг, — это многонациональная империя под властью императоров, не царей» (Хоскинг, 1995: 40). Последним настоящим царем и первым российским императором был, как известно, Петр I. Ему предстояло стать знаковой фигурой, завершающей и символизирующей собой сложный процесс имперской трансформации отечественного государства. Западническая, а вернее, германофильская направленность внутренней и внешней политики правительства Петра I самым непосредственным образом повлияла на будущую неуклонную эволюцию политической системы России в сторону ксенократии.

Примечательно, что в одно время с начавшимся оформлением институтов и структур имперского государства резко увеличился приток иностранцев на российскую службу. Так, в XVIII–XIX вв. из 2867 учтенных немецким историком Э. Амбургером персоналий высокопоставленных чиновников империи 1079 (40%) по своему этническому происхождению не были русскими. В том числе 489 из них — это немецкие дворяне Курляндии, Лифляндии и Эстляндии — балтийских провинций, инкорпорированных в состав России по личной инициативе Петра I (Хоскинг, 1995: 39–40).

Характерной типологической чертой дворянства как привилегированной общественной группы являлась полиэтничность ее социогенетических корней. Дан-

ную специфику выделяют многие отечественные и зарубежные исследователи. Например, согласно подсчетам Н.М. Загоскина, которые приводятся в его монографии «Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси», уже в конце XVII в. собственно русские (великорусские) дворяне составляли всего 4,6% от общей численности этой сословной группы. В то же время 24,3% были выходцами из Литвы и Польши, 2,5% — из других стран Европы, 18,3% — потомки старорусской варяжской династии (Рюриковичи), 17% вышли из монголо-тюркской (ордынской) знати, включая Чингизидов. Неустановленное и, вероятнее всего, незнатное происхождение имели 10,5% служилых дворян (Загоскин, 1875: 177–179). Следует учесть и тот факт, что родословные многих дворянских фамилий были подчищены или вовсе переписаны заново «своими людьми», происходившими из той же самой служилой сословной корпорации. В особенности это касается многочисленного потомства ордынских ханов, беков и мурз, не очень афиширующих на российской службе свои социогенетические корни. У французов существует даже пословица: «Le russe et vous verres la tartare» («поскребите русского и увидите татарина»). Действительно, стоит внимательнее приглядеться к фамилиям самых знаменитых дворянских родов России — Аксаковым, Бердяевым, Карамзиным, Куприным, Набоковым, Нарышкиным, Тургеневым, Шуваловым, Юсуповым и т.д., как тотчас обнаруживается их общее ордынское этническое происхождение.

В определенном смысле чужеродный для русского населения полиэтничный состав служилого дворянского сословия — корпуса офицеров и чиновников повлиял, разумеется, и на природу верховной власти в империи, резко усиливая ее ксенократическую специфику. Собственно поэтому неотвратимой стала и соответствующая подмена самой правящей династии.

Со смертью в начале 1730 г. последнего легитимного наследника русского монархического дома — Петра II (внука Петра I и сына великого князя Алексея Петровича) царская фамилия настоящих русских Романовых пресеклась. А после завершения политически нестабильной переходной эпохи «дворцовых переворотов» (1730–1760-е гг.) императорским трон в России владели уже монархи германского происхождения. Основателями новой династии стали бывший герцог Голштинский (Петр III) и недавняя принцесса Анхальт-Цербстская (Екатерина II). Следует подчеркнуть, что в политико-юридическом отношении легитимность преемников русских царей, начиная с Екатерины I (Марты Самуиловны Скавронской), вообще-то сомнительна. Заместившие Романовых монархи Голштейн-Готторпской династии никак не могли обладать законным правом на верховную власть в России. Доступ к императорским коронным регалиям они захватили в результате серии заговоров и государственных военных переворотов.

Фактически на протяжении XIX–XX вв. у власти в империи находились лже-Романовы, нелегитимные «самозванцы сверху», оказавшиеся, кстати говоря, намного более удачливыми, чем «самозванцы снизу» (С. Разин, Е. Пугачев и др.). Данная особенность верховных правителей и правительниц имперской политической системы осознается многими современными исследователями. «Так мы сталкиваемся, — отмечает Дж. Хоскинг, — с мнимым парадоксом: Российской империи»

ей, эксплуатирующей русских как покоренный народ» (Хоскинг, 1995: 39–40). И это, по-видимому, также существенная отличительная ее черта.

Действительно, если в Великобритании англичане (англосаксы) являлись господствующей и привилегированной «имперской» нацией, то в России положение русских (великорусов) было иным. Государствообразующий народ не имел здесь никаких гражданских прав, а тем более привилегий, соответствующих его номинальному положению «титульного» суперэтнуса. Наоборот, именно русские оказались самыми угнетенными подданными во всей империи. Верховная государственная власть проводила такую внутреннюю политику, которая определенно создавала правовые, социальные и экономические преимущества для нерусских «инородцев» (Миронов, 1999, I: 33). Даже дискриминированные российские евреи («черта оседлости» и прочее) все-таки считались иностранцами по своему статусу, поэтому находились в более выгодном положении, чем собственно русские славяне, включая белорусов, великорусов, казаков, поморов, сибиряков и украинцев. Во всяком случае, государство, хотя и ограничивало права и свободу евреев, но не закрепощало их полностью, как, например, было в случае с русскими крестьянами. На диаспоре российских иудеев чаще всего не распространялась рекрутская военная повинность. Зачастую евреи могли получать налоговые льготы.

Следует особо подчеркнуть, что известные законодательные ограничения были связаны вовсе не с иным этническим происхождением, а с конфессиональной принадлежностью евреев к иудаизму. Крещеные евреи обладали в империи точно теми же правами, что и русские подданные, исповедующие казенное (синодальное) православие. Среди выкрестов были генералы, адмиралы, высокопоставленные чиновники, даже архиепископы. Достаточно выразительный тому пример, — блистательная карьера П.П. Шафирова, крещеного еврея, который сумел из низших служащих Посольского приказа подняться при Петре I на вершину бюрократического Олимпа. Он стал вице-канцлером, получил баронский титул и поместья, разбогател и, наконец, смог породниться с самыми знатными придворными семействами (Базарова, 2018; Новиков, 2009).

Характерно, что наибольшим разнообразным притеснениям со стороны государства в период империи подвергались «русские в квадрате» — христиане-старообрядцы, исповедовавшие традиционалистскую версию православия. Мотивы дискриминационной политики, проводившейся верховной властью по отношению к лучшей части государствообразующего народа, в ретроспективе ныне вполне понятны. Старообрядчество, по справедливой оценке А.В. Антонова, представляло собой «силу положительную, безусловно самобытную и глубоко народную, оказывавшую упорное противодействие тоталитарным тенденциям русской истории» (Антонов, 1989: 319). Неудивительно, что имперская власть соответствующим образом реагировала на источник социально-политической оппозиции. В отношении православных традиционалистов-староверов принимались самые жесткие полицейские репрессивные меры, вплоть до карательных погромов их общинных поселков и массовых убийств, граничащих с геноцидом.

По действовавшему до 1906 г. имперскому законодательству приверженцы традиционно-русского православного христианства («раскольники» и «сектан-

ты» по официальной терминологии) заведомо считались «государственными преступниками». В бюрократической имперской России надлежащих условий для легальной деятельности этой конфессиональной группы возможностей фактически не было. Поэтому староверчество как конфессия существовало вне рамок государственного права в течение двух с половиной столетий. Вместе с тем адепты данной национальной религии обязаны были платить государству подушную подать в удвоенном размере. На них, как и на иудеев, фактически распространялась «черта оседлости», т.е. запрет на предпринимательскую деятельность и проживание в городах империи. Однако самым издевательским и унижительным был указ Петра I (действовал до 1906 г.), обязывающий русских «раскольников» носить особую одежду с опознавательным знаком — «kozyрем» — желто-красного цвета на спине (Анисимов, 2008: 117–119). По мнению автора статьи, его можно считать полным аналогом нашивки в форме «звезды Давида», которая вводилась гитлеровским нацистским режимом для евреев на оккупированных территориях Европы.

Между тем общая численность старообрядческого православного населения в России составляла к концу XIX — началу XX в. несколько миллионов. Иначе говоря, в собственной стране фактически целый народ лишался полностью каких-либо прав. Хотя именно православные староверы отличались высокой нравственностью, повышенной социальной и экономической активностью, грамотностью, трудолюбием и предприимчивостью. Этот лучший слой русского общества являлся базовым для формирования этических принципов функционирования национальной буржуазии современного типа.

Абсолютное большинство самых известных русских предпринимателей начала XX в. (Гучковы, Коноваловы, Морозовы, Прохоровы, Рябушинские, Третьяковы и др.) являлись выходцами из староверческих общин (Шахназаров, 2004: 53–55). Репрессивное «выкорчевывание раскольнической ереси» впоследствии обернулось крайне низкими темпами развития предпринимательского сектора рыночной экономики, почти полным отсутствием «среднего класса», слабостью политических позиций отечественной буржуазии. Сегодня крайне трудно оценить даже в приблизительном исчислении масштаб тех невосполнимых потерь, которые нанесены русской нации той изуверской внутренней политикой, которая проводилась ксенократическим режимом в течение столь длительного времени.

В последние годы довольно популярным становится лозунг отечественных националистов «Россия — для русских!». Мотивы и смысл актуализации скандально известного идеологического стереотипа вполне понятны: в настоящее время русский народ приблизился к опасному рубежу, за которым явственно просматривается перспектива депопуляции. Наличие данной проблемы обусловлено глубиной и остротой системного кризиса национальной идентичности, который, по мнению многих современных исследователей, имеет даже не столько политическую, сколько ментально-духовную, экзистенциальную природу. Действительно, и конкретный человек, и общество в целом начинают размышлять о смысле своего существования лишь у «последней черты», на грани жизни и смерти.

Такова общая расплата за слишком долгое пребывание под покровом имперской «шинели», владельцы-носители которой не позаботились о расширенном воспроизводстве государствообразующего этнического поля. Сменявшие друг друга правящие режимы — сначала Российской империи, затем СССР проводили как минимум преемственную политику негативной селекции в отношении русского народа. По максимуму же временами верховная государственная власть осуществляла тотальный геноцид элитной его части. Неудивительно, что на фоне приближающейся катастрофы снова реанимирована идея добровольного или принудительного «перерождения» наднациональной по своему генотипу империи в национальное (т.е. именно Русское) государство. Но мало кого смущает практическая невыполнимость для полиэтнической страны столь коренной системной трансформации. Благо бы хоть «Россия — для россиян!». Такой, вполне симметричный тандем все же фонетически более-менее созвучен, политически согласован, а его компоненты типологически совместимы. «Подданническая» модель субординационных взаимоотношений общества и государства, кстати, могла бы устраивать правящую ныне корпорацию бюрократической служилой номенклатуры. Что же касается гипотетического воссоздания в близком или отдаленном будущем национального (русского) государства, то данному процессу препятствует, увы, целый ряд обстоятельств и факторов.

Реализации данного проекта мешает, например, даже сама лексика понятия «Россия». По своим историческим и этническим корням название не является автохтонным. «В русском языке, — заметил данную специфику современный зарубежный исследователь, — существуют два прилагательных: «русский» и «российский». Первое употребляется со словом «народ», второе — со словом «империя» (Хоскинг, 2000: 5). Поистине: со стороны виднее. Примечательно, что в большинстве славянских языков (кроме польского) название нашей страны пишется до сих пор кириллицей не иначе как «Русія». В основных западноевропейских языках есть *Russia*, *Russland*, *le Russe*, однако нет, между прочим, слова *Rossia*. Во многих других языках (арабском, китайском и пр.) в названии нашей страны также отсутствует «о». Но мы сами, кстати говоря, — русские — упрямо используем привычный, хотя вовсе не славяноязычный, а византийско-латинский по своему происхождению стереотипный ярлык (подробнее об этом см.: Михневич, 1899: 5). При этом забываем, что под ним скрывается всего лишь иное название «Империи». А вот ее, как подтверждает многовековой исторический опыт, преобразовать в русское национальное государство крайне сложно.

В XVIII и XIX вв. Российская империя сформировалась в ходе поэтапной интеграции вошедших в ее состав разнородных территориально-этнических образований. Многие из них реально смогли позднее стать самостоятельными нациями (Армения, Азербайджан, Грузия, Польша, Финляндия, Эстония и др.). Но консолидация собственно русского национального сообщества так и не состоялась. Этому важному процессу как раз и помешало многовековое «собираение» имперского колосса.

И все же русский народ сознавал собственную причастность к строительству великой евразийской Державы, а потому нередко идентифицировал себя с ней.

Во всяком случае, не отделяя себя совсем от государства, русский народ считал своим главным достоянием восточную половину страны. Хотя бы потому, что приобрелась она вопреки планам и экспансионистским намерениям верховной власти. Необходимо при этом иметь в виду, что границы России периода империи расширились не только путем насильственного захвата сопредельных территорий. Параллельно и независимо от правительственной экспансии разворачивалось инициативное освоение самим русским народом незаселенных, пустующих и не принадлежащих соседним государствам земель. Около 3/5 всего пространства, занятого Российской империей к концу XIX — началу XX в., инкорпорировалось благодаря так называемой вольнонародной колонизации (Приуралье, Сибирь, Тихоокеанское побережье) наиболее органичным образом. Чуткий «компас» интуиции русских первопроходцев (казаков и кержаков-староверов), составлявших авангард этого массового потока, безошибочно угадал оптимальный в геополитическом смысле для стратегии национального развития вектор — восточный. Причем Центральная Евразия (сибирский «хартлэнд», согласно терминологии Хэлфорда Дж. Маккиндера) русским народным сознанием всегда рассматривалась в качестве базовой территории, жизненно необходимой для национальной самореализации. Что же касается государственной экспансии, то ее главный вектор был обращен, как известно, в прямо противоположное направление: западное, или, точнее, северо-западное (Балтика) и юго-западное (Кавказ, Крым, Балканы, Босфор).

А поскольку свободная народная колонизация восточных земель, стихийно развертывавшаяся в одно время с формированием Империи, мешала западническому правящему режиму «вестернизовать» страну, постольку она и была пресечена уже в самом начале XVIII в. насильственными военно-полицейскими и крепостническими действиями. Но даже и позднее, вплоть до эпохи «великих потрясений» XX в. (т.е. практически в течение двух веков) заселению и освоению силами русского народа Северо-Восточной и Центральной Евразии верховная имперская власть традиционно всячески препятствовала.

Зарубежные исследователи нередко именуют Россию «великой колониальной державой», игнорируя малопонятную западникам цивилизационную специфику отечественной государственности. Предполагается, наверное, что народы так называемых национальных окраин угнетались в ней мифическим «русским центром». На деле же главный принцип внутренней политики, проводившейся верховной российской властью, состоял в том, чтобы именно для нерусских подданных обеспечить определенные преимущества сравнительно с русскими (славянскими) народами. Намеренно создавалась такая, весьма необычная для «колониальной» державы ситуация, когда нерусские народы периферии платили меньше налогов. Поэтому и материальный уровень их жизни был зачастую выше, чем у собственно русских подданных. Так, в 1886–1895 гг., по данным Б.Н. Миронова, преимущественно нерусское население 39 губерний платило в год из расчета на жителя 1,22 руб. налогов, а население 31 великорусской губернии — 1,91 руб., т.е. на 59% больше (Миронов, 1999, I: с. 33). Следовательно, вопреки распространенному в литературе мнению, Российская империя не была гигантской «тюрьмой народов». По крайней мере, та-

кое излишне категоричное определение не применимо по отношению к реальному статусу так называемых инородцев. Гнет, репрессии, прямой террор и эксплуатация со стороны государства в гораздо большей степени распространялись на русских, чем на нерусских жителей страны. В подобном варианте имперская «титовая нация» не имела на окраинах страны никаких особых преимуществ. Характерно, что русским людям как «народным колонизаторам» не был присущ европоцентристский «комплекс белого человека» и связанный с ним бытовой расизм. Этому способствовала природно-географическая и культурно-цивилизационная близость русских и нерусских соседей. Не случайно взаимоотношения внутри российского полиэтнического сообщества отличались комплементарностью. Дискриминационная политика верховной власти по отношению к русским подданным Империи лишь дополнительно усиливала взаимную солидарность с ними представителей «инородческих» этносов.

Понятие «национальность» применительно к армянину, белорусу, грузину, поляку, татарину и т.д. никогда не использовалось в российском делопроизводстве периода империи. Документальный же учет подданных если осуществлялся, то лишь по конфессиональной принадлежности («православный», «иудей», «католик», «лютеранин», «магометанин», «язычник»). Причем «верноподданные», т.е. те лица, кто исповедовал официальное (но не староверческое, к примеру) православие, а также лютеране и мусульмане получали определенные льготы. Даже притесняемые режимом иудеи могли беспрепятственно (в «черте оседлости») удовлетворять свои религиозные потребности. Дискриминационные юридические ограничения действовали только в отношении «неверноподданных»: православных староверов, представителей нетрадиционных русских конфессий (духоборцев, молокан и др.) и отчасти для славян-католиков. Однако в целом имперская власть стремилась проводить во внутренней политике принцип относительной веротерпимости. Такой курс если не предотвращал возможные столкновения на религиозной почве внутри многоконфессионального российского сообщества полностью, то, по крайней мере, хотя бы позволял их смягчать.

Результаты

Вероятно, нельзя признать адекватной и распространенную среди исследователей характеристику России периода империи как унитарного государства. Такое одностороннее определение вряд ли способно передать всю многосложность и противоречивость ее политической системы. Не случайно же по преимуществу периферийные территории, входившие в состав Российской империи, наделялись особым статусом. А некоторые национально-территориальные образования (Царство Польское, Великое княжество Финляндское, Хивинское ханство, Бухарский эмират и др.) имели автономные органы власти, собственное законодательство, вооруженные силы и полицию, местное самоуправление. Часть из них сохранила (либо получила непосредственно от верховной власти) форму квазигосударств, интегрированных в общеимперскую систему властной субординации посредством династического соподчинения правящему монарху. При этом большинство тех нерусских

народов, которые никогда не имели собственной государственности, также пользовались известной автономией и самоуправлением на местном общинно-волостном уровне («инородческие волости», «курултай», «Степная дума» и др.). Иначе говоря, внутри Российской империи помимо идентификационных признаков унитарной государственности можно выделить и элементы союзного федерализма.

Россия отличалась от классических колониальных империй Запада коренным образом. Из всего ряда сверхдержав ее выделяет материковая цельность инкорпорированных в государство территорий. Характерно, что российскую «метрополию» не отделяли от «колоний» моря и океаны. Исключение составляет «русская Америка» (Аляска и небольшой форпост колонистов в Калифорнии). Но это был уже своего рода геополитический перебор. И без того к концу правления императора Александра II российская территория увеличилась до гигантских размеров и составляла в 1881 г. 22 млн 189 тыс. 368,9 кв. км. Верховная имперская власть своевременно произвела необходимую коррекцию, уступив заокеанские владения в 1867 г. за символическую плату Соединенным Штатам. С этого момента между Россией и США отсутствуют серьезные причины для пограничных конфликтов. «Не территория священна и неприкосновенна: ибо императорская Россия уступила добровольно Аляску и никто не видел в этом позора, — справедливо замечает национальный политический мыслитель И.А. Ильин, — но территория, необходимая для расцвета русской национальной духовной культуры, всегда будет испытываться русскими патриотами как священная и неприкосновенная» (Ильин, 1993: 222). С современных позиций нетрудно заметить, что национальная отечественная государственность может не то чтобы существовать, но при определенных условиях даже и «процветать» без Прибалтики, Польши, Крыма и т.д. Хотя они-то и были основным объектом имперской экспансии XVIII в. Однако нормальное функционирование современной России как великой державы при отсутствии восточных «нефтегазовых» регионов, т.е. без ресурсного потенциала сибирского «хартлэнда», вряд ли возможно.

Обсуждение

Итак, благодаря своему наднациональному попечительному (патерналистскому) характеру государственная власть Российской империи смогла навязать, или, вернее, привить коренным народам страны систему вполне приемлемых универсальных ценностей. Тем более что правящий в стране династический режим не искоренял (до известных пределов) традиционные формы обыденной социокультурной жизни подданных. Но главное, что сам русский народ пытался осуществить на практике идею евразийского синтеза путем «проб и ошибок» и силами лучших своих представителей. По мнению сторонников данной точки зрения, Российская держава начала XX в. уже действительно соединяла Запад и Восток, Север и Юг Евразии. Как самостоятельная цивилизация она представляла собой уникальный сплав культур союзных народов и создавала качественно иной, новаторский для мировой антагонистической реальности XVIII — начала XX в. прообраз многонационального и поликонфессионального толерантного сообщества. По-видимому, при благоприятных условиях Империя могла бы

со временем трансформироваться в добровольное политическое содружество евразийских равноправных народов.

Косвенным свидетельством в пользу органичности такой тенденции, бесспорно усиливавшейся в отечественном политическом процессе к началу XX в., служит драматический опыт истории Советского Союза (1922–1991 гг.). «„Империя позитивного действия“ сохранила, — справедливо замечает Т. Мартин, — и даже подчеркнула имперскую структуру, состоящую из государствообразующей и колониальных наций, но перевернула их отношения, выдвинув на передний план национальные „формы“ бывших колониальных наций и подавляя проявления русской национальной идентичности» (Мартин, 2002: 87). Полагаю, что вряд ли коммунистическая власть могла бы так долго эксплуатировать чуждую ей идею федеративной государственности, если бы для этого не существовали объективные предпосылки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анисимов Е.В. Императорская Россия. СПб.: Питер, 2008.

Антонов А.В. Старообрядчество и новое мышление. В кн.: На пути к свободе советсти. Москва: Прогресс, 1989.

Базарова Т. Петр Павлович Шафиров: карьера в эпоху перемен. Дипломат по воле случая? На заре зарождения империи. URL: <http://gefter.ru/archive/21118> (дата обращения 19.04. 2018).

Загоскин Н.М. Очерки организации и происхождения служилого сословия в донепетровской Руси. Казань: Унив. типогр., 1875.

Ильин И.А. Путь к очевидности. Москва: Республика, 1993.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Москва: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952.

Каппелер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. Москва; Бонн, 2000.

Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. Москва: РОССПЭН, 2001.

Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. Москва: Европа, 2007.

Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? *Ab Imperio*, 2002, No 2, 55–87.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

Михневич В.О. Кто выдумал Россию? *Исторический вестник*, 1899, No 2, 502–504.

Новиков К. Еврей Петра Великого. *Коммерсантъ-Власть*, 2009, No 27.

Рерих Н.К. По лицу земли. В кн.: В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков для вузов. Москва: Наука, 1994.

Хоскинг Дж. Великое, но рухнувшее прошлое. Родина, 1995, No 1, 39–40.

Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск: Русич, 2001.

Шахназаров О.В. Отношение к собственности у старообрядцев (до 1917 года). Вопросы истории, 2004, No 4, 53–70.

Lieven D. *Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. New Haven, CT, 2000.

Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, NY, 2000.

Martin T. *The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category*. *Ab Imperio*, 2002, No 2, 91–105.

REFERENCES

Anisimov, E.V. (2008). *Imperatorskaya Rossiya [Imperial Russia]*. SPb.: Piter.

Antonov, A.V. (1989). *Staroobryadchestvo i novoye myshleniye [Old beliefs and new thinking]*. In: *Na puti k svobode sovesti [On the road to freedom of conscience]*. Moskva: Progress.

Bazarova, T. Petr Pavlovich Shafirov: kar'yera v epokhu peremen. *Diplomat po vole sluchaya? Na zare zarozhdeniya imperii [Petr Pavlovich Shafirov: to make career in times of change. Diplomat by chance?]*. Available at: <http://gefter.ru/archive/21118> (accessed April, 2018)

Zagoskin, N.M. (1875). *Ocherki organizatsii i proiskhozhdeniya sluzhilogo sosloviya v dopetrovskoy Rusi [Essays on the organization and origin of the service class in pre-Petrine Russia]*. Kazan': Univ. tipogr.

Il'in, I.A. (1993). *Put' k ochevidnosti [The road to evidence]*. Moskva: Respublika.

Istoriya Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Kratkiy kurs [The history of the All-Union Communist Party (bolsheviks)] (1952), Moskva: Gos. izd-vo polit. lit-ry [State Publishing House of Political Literature].

Kappeler, A. (2000). *Rossiya — mnogonatsional'naya imperiya: vznikoveniye, istoriya, raspad [Russia – multinational empire: origin, history, breakdown]*. Moskva; Bonn.

Kaspe, S.I. (2001). *Imperiya i modernizatsiya. Obshchaya model' i rossiyskaya spetsifika [Empire and modernization. General model and Russian specifics]*. Moskva: ROSSPEN.

Lieven, D. (2007). *Rossiyskaya imperiya i ee vragi s XVI veka do nashih dnei [The Russian Empire and its Rivals: The Russian Empire and Its Rivals from the Sixteenth Century to the Present]*. Moskva: Europe.

Martin, T. (2002). *Imperiya pozitivnogo dejstviya: Sovetskij Soyuz kak vysshaya forma imperializma? [An Affirmative action empire: the Soviet Union as the highest form of imperialism?]* *Ab Imperio*, No 2, 55–87.

- Mironov, B.N. (1999). Social'naya istoriya Rossii perioda imperii [A Social History of Imperial Russia]. V 2 t. T. 1. SPb.: Dmitriy Bulanin.
- Mikhnevich, V.O. (1899). Kto vydumal Rossiyu? [Who invented Russia] Istoricheskiy vestnik [Historical Bulletin], No 2, 502–504.
- Novikov, K. (2009). Yevrey Petra Velikogo [The Jew of Peter the Great]. Kommer-sant-Vlast', No 27.
- Roerich, N.K. (1994). Po licu zemli [By the face of the Earth]. In: V poiskah svoego puti: Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: Hrestomatiya po istorii rossijskoj obshchestvennoj mysli XIX i XX vekov dlya vuzov [In search of its own way: Russia between Europe and Asia: A Chrestomathy on the history of Russian social thought of XIX and XX centuries for high school]. Moskva: Nauka,.
- Hosking, G. (1995). Velikoye, no rukhnuvsheye proshloye [The Great but failed past]. Rodina, No 1, 39–40.
- Hosking, G. (2001). Rossiya: narod i imperiya (1552–1917) [Russia: people and empire (1552–1917)]. Smolensk: Rusich.
- Shakhnazarov, O.V. (2004). Otnosheniye k sobstvennosti u staroobryadtsev (do 1917 goda) [Attitudes to ownership among old believers (until 1917)]. Voprosy istorii, No 4, 53–70.
- Lieven, D. (2000). Empire: The Russian Empire and Its Rivals. New Haven, CT.
- Martin, T. (2000). The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca, NY.
- Martin, T. (2002). The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category. Ab Imperio, No 2, 91–105.